
ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1(092)

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.042

Методологические коллизии научного сознания М. М. Хвостова

Новиков Михаил Васильевич¹, Перфилова Татьяна Борисовна²

¹доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

²доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматривается процесс эволюции научного сознания М. М. Хвостова от историка-исследователя исторического факта и чисто эмпирического анализа его последствий к ученому-обществоведо, признавшему необходимость совмещения в исторической гносеологии приемов познания номотетических и идиографических дисциплин, а также важность применения социологического подхода при изучении комплекса внутренне обусловленных причин развития целостной социальной реальности. Результатом синтеза индивидуализирующей истории и генерализирующей социологии М. М. Хвостов считал социологическую историю, которая способна нейтрализовать сугубо теоретический характер социологии и сугубо эмпирический характер истории. Обращается внимание на приверженность профессора, стремившегося к точности и безошибочности результатов научного поиска, логико-познавательной модели позитивизма. Соединяя в своей работе строго научные методы познания с субъективистскими методами (понимание, эмпатия), он тем не менее так и не смог признать неизбежность искажения в процессе познания объективной исторической действительности. Отмечается влияние культурно-эпистемологического контекста рубежа XIX–XX вв. на научное мировоззрение М. М. Хвостова и выводится заключение о вторичности его теоретико-методологических представлений, заимствованных из работ европейских мыслителей и культуры наукотворчества профессоров Императорского Московского университета. Выявляется особая значимость «методологической школы» П. Г. Виноградова, повлиявшая на трактовки М. М. Хвостовым теории истории, теории познания и методики исторического исследования. Вместе с тем подчеркивается, что М. М. Хвостов превзошел своих «ученых наставников» в тщательности и глубине исследования факторов исторического развития. Будущее исторической науки он видел в интеграции теоретического потенциала, научного аппарата и исследовательского инструментария всех наук об обществе, как социогуманитарных, так и естественных.

Ключевые слова: история, социология, социологическая история, «критический позитивизм», неокантианство, объективное знание, субъективизм, «ученые наставники», междисциплинарность.

В 2022 г. исполнилось 150 лет со дня рождения известного российского историка Михаила Михайловича Хвостова, выпускника Керченской гимназии и Московского университета, профессора Казанского и Томского Императорских университетов. Его становление как историка, достижения в исторической науке уже стали предметом нашего исследования [13; 14]. Данная публикация завершает цикл наших статей, посвященных культуре наукотворчества М. М. Хвостова. В ней в обобщенном виде рассматриваются амбивалентные теоретико-методологические основания его творческой лаборатории.

Как истинный историк, М. М. Хвостов стремился к «изучению деталей исторического развития», к познанию «конкретной действительности в ее многообразии» [21, с. 801, 813]; у него хорошо получалось определение значения «исторического факта» и осуществление «чисто эмпирического анализа его последствий» [21, с. 809].

Однако упор на конкретику «индивидуализирующей истории» не коррелировал с логикой объяснительной истории из-за «непознаваемости абсолютно индивидуального». Необходимость «введения» в познавательный процесс «общего элемента, более или менее привычного нашему уму» [21, с. 816], диктовалась естественно-научной – позитивистской – мето-

логической парадигмой: учением об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира, «законом причинной связи», «основным принципом... мышления» – требованием «причинного истолкования... фактов» [22, с. 29, 30], которые подчинили себе и процедуры исторической гносеологии. Потребность использования «общих понятий» и «общих суждений», наряду с поиском «повторяющихся, общих» явлений, установлением аналогичного и типичного, превращалась в практическую необходимость и при объяснении «исторической причинности» с точки зрения факторной, то есть социологической, теории [21, с. 801, 813, 816, 818, 819].

Неминуемое при обобщающих стратегиях снижение ценности индивидуального, неповторимого, единичного факта – непосредственного предмета изучения истории – могло быть сглажено, по представлениям М. М. Хвостова, социологической историей, которая обеспечивала синтез логико-познавательных моделей индивидуализирующей истории и генерализирующей социологии [22, с. 11]. Социологическая история, осмысливавшаяся в данном смысловом поле, становилась наукой об общем и повторяющемся в истории, максимально вбирая в свои обобщения конкретное и индивидуальное.

Сам факт создания социологической истории М. М. Хвостов обосновывал не только совпадением предметных полей двух наук о человеческом обществе, истории и социологии. В дискуссии со сторонниками неокантианства он отстаивал идею целостности научного познания: доказывал общенаучный характер исторического познания, совпадение способов мышления в номотетических и идиографических дисциплинах [21, с. 802, 803, 818], отрицал альтернативное противопоставление «наук о природе» «наукам о культуре» по целям и методам исследования [22, с. 11]. Отказываясь признавать упрощенные, как ему казалось, подходы Г. Риккёрта к изучению общественных явлений, он настаивал на необходимости использовать «в науках о человеческих обществах» сразу двух методов: искать общие всему человечеству нормы общественного развития и «изучать частности», то есть специфические черты развития [22, с. 11]. Превратив эти способы познания из взаимоисключающих во взаимодополняющие¹, он нейтрализовывал сугубо теоретический характер социологии и сугубо эмпирическую природу истории.

М. М. Хвостов был склонен видеть только позитивные моменты от сближения двух социогуманитарных наук, истории и социологии. Он полагал, что при таком альянсе социология смогла бы избавиться от тех недостатков, которые позволяли историкам с пренебрежением относиться к этой науке: догматического характера, априорных, «поспешных» обобщений, подтасовки фактов под заранее подготовленные умозрительные теоретические построения, опоры на преимущественно этнографические свидетельства, отражавшие «простоту явлений» на «ранних ступенях цивилизаций» [21, с. 792].

Чтобы изменить ситуацию, М. М. Хвостов планировал предложить социологам для теоретического осмысления факты из исторической реальности многочисленных народов Древнего мира, особенно из жизни населения самых могущественных империй древности, эллинистической и римской, которые существовали на протяжении очень длительного отрезка времени и на очень обширном географическом пространстве. Любые номологические операции, выполненные на критически проверенных материалах из истории этих «мировых» держав, имели бы такой научный вес, что развеяли сомнения даже самых заядлых скептиков в объективном и доказательном характере социологических обобщений.

Сам М. М. Хвостов не просто был готов, а активно использовал идеи, теории, онтологические и гносеологические категории социологии, необходимые ему для описания и осмысления внутреннего состояния изучавшегося общества, его отдельных групп и отношений между ними, например: социальный строй, социальная структура, социальная дифференциация и интеграция. Он применял разработанный Г. Спенсером подход к изучению процесса общественной эволюции [22, с. 15, 18–20]; из «Логики» Дж. С. Милля заимствовал принципы изучения «каузальных связей» [22, с. 29, 30]; в конкретных исследованиях прибегал к ключе-

¹ В наши дни такой подход к изучению общества: его структуры, организации, развития – считается вариантом нормы [10, с. 51; 16, с. 29], но и среди современников М. М. Хвостова [5, с. 44], и среди преобладающего большинства историков наших дней [16, с. 28; 18, с. 168] встречались представители другого мнения: для них характерно отнесение социологии и истории к разным научным дисциплинам и разным сферам интеллектуальной деятельности, которые отличаются степенью теоретического осмысления исторической реальности.

вым представлениям О. Конта об обществе как о системе, целостный характер которой обусловливался взаимозависимостью ее частей, и применял рекомендованный «отцом позитивизма» метод исторического сравнения к последовательным состояниям развития человечества [4, с. 91; 6, с. 14].

Не подлежащая сомнению позитивистская направленность трудов М. М. Хвостова оформилась еще в годы его обучения в Московском университете, где он прошел «методологическую школу» П. Г. Виноградова. Позитивизм был «общей основой теоретических заключений и обобщений» знаменитого учителя М. М. Хвостова, который считал прямым источником своих эволюционных воззрений «социологическую систему» Г. Спенсера [8, с. 7, 8, 136; 12, с. 220].

Тот же вывод применим и к наукотворчеству М. М. Хвостова, методологическое сознание которого формировалось под влиянием наиболее значимых для социогуманитаристики рубежа XIX–XX вв. теорий: эволюционизма, прогресса, циклизма, стадиальности, а также принципа историзма. Они накладывались на философскую основу историко-экономического направления отечественной историографии – позитивизм. Социологическая трактовка экономических явлений также осуществлялась в рамках позитивистской гносеологической модели. Социологическую направленность исследования М. М. Хвостова придавала и позитивистская идея многофакторности исторической эволюции.

Таким образом, выбор М. М. Хвостовым социологической истории в качестве нового «типа» объяснительной истории был и подготовлен, и в значительной мере предопределен культурно-эпистемологическим контекстом формирования его научного мировоззрения и исторического сознания. Он стал «заложником» интеллектуальной атмосферы, наполненной гносеологическими идеалами и системой представлений позитивизма, подчиненных естественно-научному стилю мышления. Общенаучная картина мира, пронизанная идеями глобального эволюционизма и детерминизма [12, с. 13], сходством научно-познавательных принципов естественных и гуманитарных наук, определила наиболее значимые позиции его методологического сознания.

Намереваясь в своих исследованиях сочетать исторические и социологические подходы к объяснению динамично развивавшихся общественных систем древности, М. М. Хвостов начал смело позиционировать себя историком-социологом [25, с. 7], а иногда и «чистым» социологом [24, с. 11; 26, с. 1]. Это обязывало его, как и других «историков состояний» [18, с. 188], стремиться к поиску общего, повторяющегося, аналогичного в истории народов древности в ущерб специфике индивидуализирующей и идиографической истории².

Способ его рассуждений, постановка значимых для истории вопросов, научная терминология и главные способы познания прошлого – сравнения и аналогии – были подчинены, выражаясь словами Р. Ю. Виппера, «“реализму” позитивной науки» и ее эпистемологическим традициям. Они заключались в изучении «влияния личности на общество и влияния среды на личности; смены общественных состояний общественными катастрофами, влияния событий на состояния или состояний на события, толчков вперед и вызываемых ими реакций...» [3, с. 28].

Принципы «естественного» мировоззрения и познания, автоматически перенесенные на процесс осмысления общественных явлений и состояний, обрекли историческую гносеологию на выяснение «путей развития отдельных групп», «сравнение их друг с другом», нахождение между ними общего, аналогичных ступеней развития, что и сподвигло историков «отыскивать... движущие, возобновляющие деятельные силы» этих изменений, «причины явлений, факторы», «отношение причин и следствий в историческом процессе» [3, с. 59].

Данная Р. Ю. Виппером характеристика позитивистского этапа в развитии историографии, когда утвердились социологические подходы к историческому познанию, в полной мере применима и к анализу наукотворчества М. М. Хвостова.

Идеалы естествознания, закрепившиеся благодаря Г. Спенсеру в позитивистской социологии, стали для М. М. Хвостова образцами организации его исследовательской деятельности.

Он стремился к точности и безошибочности результатов; постулировал строгую объективность, видимую беспристрастность, отстраненность от объекта познания в качестве основных нормативных требований к созданию собственной социологической истории. Он да-

² К примеру, чрезмерная унификация исторических процессов у народов Древнего Востока свела его намерение выделить «характерные черты эволюции их государственных форм» к генерализованной трехкомпонентной модели изменений: «племенная организация», «феодалная организация», «бюрократическая монархия» [25, с. 11, 12].

вал себе установки ориентироваться на признанные теоретические представления, избегать вненаучных (политических, религиозных, нравственных) ценностных влияний и от коллег по научному цеху требовал соблюдения этих же норм профессиональной этики [27, с. 63, 64]. При изучении эллинистическо-римского Египта М. М. Хвостов старался опираться исключительно на оригинальные источники, предпочитал работать с трудами таких древних «авторов», которые обладали широким научным кругозором и рационально-критическим подходом к созданию нарративов [24, с. 15, 18, 19]; он делал упор на эпиграфические и папирологические материалы, свободные, по его мнению, от тенденциозности и искажений исторической действительности [24, с. 10–12].

Все это создавало иллюзию достижения строгого, объективного знания. М. М. Хвостов, казалось, и не подозревал, как много «субъективного» – того, что Р. Ю. Виппер называл «предрасположениями мысли» [3, с. 27, 31, 33, 37], таилось в его научных изысканиях. Когда он только «приступал к делу», то есть выбирал проблему исследования, обосновывал ее научную значимость, продумывал применение востребованных познавательных установок, то уже, со слов Р. Ю. Виппера, руководствовался «определенным планом действия», производил «подбор фактов и их постановку в определенный угол зрения», «формулировал факты по чертежу... известной системы... в рамках традиции, готовых схем», которые направляли и регулировали его познавательную деятельность [3, с. 33].

Не только общезначимые познавательные установки, руководящие принципы и направляющие идеи, но и другие «узаконенные» в профессиональной среде нормы и правила организации дискурса предопределяли набор познавательных стратегий, гарантировавших достижение актуального и верифицированного результата. Касалось ли это методов критики источников или технологий «восстановления» цельной «картины» прошлого, проведения аналитических операций для «установления причинной связи между фактами» или, наоборот, осуществления обобщающих процедур для систематизации фактов «в общую группу, охватывающую весь социальный комплекс», производства «эмпирических обобщений» при помощи «общих суждений» или осуществления историко-социологических сопоставлений древности и современности [22, с. 86, 98] – все эти и прочие «пути познания» цивилизаций древности в виде совокупности приемов, орудий и инструментов взаимодействия субъекта познания с изучаемым объектом были разработаны и стандартизированы научным сообществом, к которому принадлежал М. М. Хвостов.

Камуфлируя относительность познания, стандарты, нормы и правила вселяли в каждого ученого уверенность в достижении научной истины, маскировали проявления субъективизма исследователя и его подверженность вненаучным ценностным влияниям.

У нас есть основания думать, что «необходимые» и неизбежные в работе каждого историка «схемы», «чертежи», «рамки», «умственные разрезы» [3, с. 33] не осознавались М. М. Хвостовым в той мере, в какой они были видны, к примеру, Р. Ю. Випперу или Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобосу [7, с. 98, 174, 175, 177–179, 182–184, 195, 196, 201, 251]. В то же время нет сомнений и в том, что М. М. Хвостов, защищая общенаучный характер исторического познания, все же обращал внимание на специфику исторической методологии.

К примеру, профессор не мог не догадываться о том, что он, обладая совокупностью неповторимых личных и психических качеств историка, влиял на создание образа истории, когда возлагал на свою научную интуицию – способность к угадыванию [22, с. 3, 4] – ответственность за достижение достоверного научного результата.

Использование метода типологизации фактов, имевшего широкое применение в «обобщающих науках», также указывало на важную роль субъекта познания, «ум» которого либо «находил нечто общее, сходное» [22, с. 22], либо «игнорировал» различия между двумя или несколькими явлениями [22, с. 10].

М. М. Хвостов соединял строго научные методы познания (анализа, объяснения, исторического сравнения) с отличными от позитивистских исследовательских приемов субъективными методами, утверждавшимися в эпистемологии гуманитарных отраслей знания: пониманием, эмпатией [22, с. 34–36]. Хотя основанные на этих субъективистских подходах методы были лишены возможности объективной верификации, авторитет европейских историков [22, с. 32–36] и методологов [22, с. 6, 7], активно внедрявших процедуру понимания «душевных переживаний» людей других исторических эпох, убеждал М. М. Хвостова в надежности новых способов «причинного истолкования исторических фактов» [22, с. 36].

Названные примеры творческой активности М. М. Хвостова между тем не заставили его усомниться в возможности достижения непровержимых результатов исторической науки,

релятивировать понятия «научность» и «объективность» в историографии, признать субъективизм (и тем более агностицизм) в процессе исторического познания.

Профессор не мог принять за истину невозможность объективного познания прошлого, хотя и приблизился к осознанию сложности исторической гносеологии и пониманию трудного пути достижения научного идеала, который был бы сопоставим по надежности и неопровержимости выводов идеалу «строгих» наук. Но он не терял уверенность в том, что созданные им «картины» исторической действительности из жизни народов Древнего мира соответствовали имевшимся в историографии стандартам научных исследований, а потому и очень близки к объективной исторической реальности³.

С сохранением максимально возможной «нейтральности» историка, его компетентностью и высоким профессионализмом, а также прочностью репутации научного сообщества, признававшего или отвергавшего результаты опытов познания прошлого, он продолжал связывать свои надежды на возможность достижения значимых научных результатов, которые отвечали бы вызовам времени.

В обстановке острых методологических дискуссий о будущем исторической науки М. М. Хвостов принял ряд важных решений, которые могли снять с него все обвинения в непоследовательности или противоречивости исследовательской позиции.

Он делегировал философии критическое изучение исходных теоретико-методологических установок историографии и разработку основополагающих вопросов теории познания, а социологию призвал осуществить ревизию «эмпирического исторического материала», данных психологии и естествознания, с тем чтобы на основе полученных результатов разработать систему общих понятий, в том числе пригодных и для истолкования исторической причинности [21, с. 818, прим. 2; 22, с. 38].

Помимо фундаментализации теоретического основания истории, М. М. Хвостов пропагандировал активное применение принципа междисциплинарности в исторических исследованиях.

Интеграция истории с широким ансамблем социогуманитарных и естественных дисциплин должна была создать платформу для осуществления теоретико-методологического синтеза проверенной эмпирической информации [21, с. 818, 819] и за счет приращения научно значимых знаний, методов, продуктивных объяснительных моделей поднять на новый уровень гносеологические возможности истории.

Однако теоретически обоснованного механизма обобщения данных наук-спутников пока не существовало, в значительной степени из-за отсутствия в ученой среде консенсуса по принципиальным вопросам научного и эпистемологического характера, а также систематизированного опыта применения междисциплинарных методов и инструментов познания прошлого человечества.

Самостоятельно проведенный М. М. Хвостовым синтез социологии и истории, осуществленный без надежного в теоретической неопровержимости обоснования принципов интегративного сближения, неизбежно породил размытый и неотчетливый методологический инструментарий и, кроме того, заставил его постоянно (и не всегда успешно) балансировать между аподиктическим и верифицированным, отвлеченно теоретическим и конкретно-историческим.

Кроме того, заимствовав из политэкономии линейно-поступательную стадиальную модель универсальных экономических преобразований у европейских народов, ученый с трудом

³ Вывод об уверенности М. М. Хвостова в возможности достижения объективных результатов исследования социально-экономической истории античных народов разделяет и И. Н. Матвеева, анализируя особенности «творческого метода» казанского ученого. Обращая внимание на важность интерпретации и критики источников, особенно при изучении М. М. Хвостовым папирологического материала, она «восстанавливает... путь», который помогал ему отбирать, изучать и систематизировать «первоисточники архивного типа». Отбирая сведения «не по наитию, а с помощью объективных, доступных проверке критериев их важности и доказательности», М. М. Хвостов шел «от источника к гипотезе через привлечение других источников к одной версии, и только после этого, при подтверждении ее... документальными материалами, к выводу». «Гибкий разум» историка позволял ему не возводить в абсолют ни одну из гипотез, если она не соответствовала фактам, заставлял выявлять «рациональное зерно» во время сравнения источников разных типов. Эти рациональные средства достижения истины и вселяли в него уверенность в объективном и достоверном «восстановлении социально-экономической истории» [9, с. 284–286].

мог совместить ее с циклической теорией исторического развития Э. Мейера; применив идеи психологизма к интерпретации общественной эволюции, М. М. Хвостов породил сомнение в возможности истории предсказывать будущее, так как он ослабил позиции детерминированности и упорядоченности в трактовке исторического процесса и, напротив, укрепил позиции казуальности и роли личностного начала.

Таким образом, механический синтез с историей научного аппарата и эвристического потенциала комплекса «наук о культуре» и «наук о природе» вместо ожидавшегося расширения возможностей историографии вызвал немало новых гносеологических проблем. Они требовали существенных усилий заинтересованных сторон для концептуального осмысления «вызовов» новых проблемных полей, возникавших на стыке различных наук, а также поиска доказательных и общезначимых междисциплинарных познавательных стратегий. В противном случае, трактовка исторического процесса приобретала противоречивый характер и наполнялась теми логическими нестыковками, с которыми мы неоднократно сталкивались при внимательном прочтении работ М. М. Хвостова.

Проведенный анализ наукотворчества М. М. Хвостова убедил нас в том, что этот одаренный ученый, с большой ответственностью подходивший к осуществлению конкретно-исторических исследований и успешно реализовавший себя во многих сферах научной и педагогической деятельности, не смог состояться только как историк-философ. Создать стройную, глубокую концепцию социологической истории, где была бы основательно рассмотрена «коренная проблема... отношения истории и социологии» [21, с. 798, прим. 4], ему не удалось. Препятствием для объединения отдельных теоретических высказываний в согласованную систему служил не только методологический плюрализм, с конца XVIII в. сопровождавший появление новых «философско-исторических систем» [21, с. 792, 793] и заметно укрепившийся к первой трети XX в. в связи с достижением пика интереса историков к исторической теории [19, с. 177].

М. М. Хвостов, работая в российской глубинке, вдали от крупных научно-интеллектуальных центров, где разворачивались «бои за историю», взвалил на себя непосильный груз академических и административных обязанностей. Хотя он не тяготился ими и, судя по публикационной активности, довольно хорошо справлялся с крайне напряженным ритмом жизни, все же стоит признать, что выполнявшиеся им виды социокультурных практик требовали слишком большой отдачи, не совместимой с возможностью активного участия в реформировании теоретико-методологических основ исторической науки.

На наш взгляд, деятельной и энергичной натуре М. М. Хвостова больше всего подходил имидж ученого-практика и стиль жизни, направленный на диссеминацию лучших научных и образовательных традиций флагмана российского высшего образования – Императорского Московского университета.

Мировоззрение, общенаучные представления, базовые научно-теоретические ориентации, образ мысли М. М. Хвостова сформировались в годы обучения в этом прославленном «храме наук». Сила когнитивных «привычек», применявшихся им к «анализу конкретного исторического материала» или выбору «угла зрения» при рассмотрении «теоретических вопросов истории» [21, с. 794, 795], была настолько значительной, что даже годы самостоятельного научного поиска не смогли поколебать те прочные философские, теоретико-познавательные и логико-методологические основания, на которые только наслаивались его собственные эвристические опыты изучения и осмысления истории народов Древнего мира.

Представления М. М. Хвостова о теории исторического знания, теории исторического процесса, методологии истории вторичны. Они проникнуты «духом времени» – культурой наукотворчества той среды, в которой он вращался в студенческие годы, приобретая необходимые в самостоятельной исследовательской и профессиональной деятельности интеллектуальные «привычки».

Все лучшее, передовое, известное исторической науке второй половины XIX в., было воспринято М. М. Хвостовым от его учителей и «ученых наставников».

Из курса отечественной истории В. О. Ключевского, который одним из первых в России признал важную роль экономического фактора в историческом процессе, он узнал, что экономические явления предшествуют политическим и что решающая роль в исторических изменениях принадлежит коллективному началу [18, с. 50, 51, 59].

Патриарх историко-филологического факультета Московского университета В. И. Герье заронил в историческое сознание М. М. Хвостова мысль об исключительно сложном характере

исторического процесса, в котором predeterminedность даже самых грандиозных событий сочетается с не подчинявшимся методам точной науки иррациональным элементом поступков великой личности [18, с. 83, 87, 96, 97].

Повышенный интерес М. М. Хвостова к интеграции потенциалов наук об обществе тоже не был случаен.

К примеру, В. О. Ключевский даже включил социологию в состав исторической науки, лишил ее предметной специфики, доходившей до отождествления с историей, так как стремился создать некую историческую социологию [18, с. 52, 54–58]. Подчеркивая первостепенную значимость изучения проблем генезиса, устройства и развития общества, В. О. Ключевский называл себя историком-социологом [18, с. 52]. Так же будет позиционировать себя и М. М. Хвостов, когда определится со своим научным кредо.

Однако при всем влиянии В. О. Ключевского и В. И. Герье на формирование научной картины мира М. М. Хвостова и приобретение им профессиональной компетентности трудно переоценить силу воздействия на его систему личности, в том числе и на историческое сознание, профессора П. Г. Виноградова.

Пройдя «методологическую школу» П. Г. Виноградова, М. М. Хвостов оказался «в плену» идей, убеждений, представлений своего учителя. Они заметны в изложении казанским ученым теории истории (отказе от метафизических предпосылок в трактовке исторического процесса [8, с. 80, 136; 12, с. 28; 20, с. 380], признании естественного и органичного характера изменений социальной среды [1, с. 84], убежденности в «глобальном эволюционизме», подчинявшемся внутренне обусловленным связям исторических явлений [1, с. 57; 2, с. 8; 8, с. 66, 67, 143, 148; 12, с. 22], терминологической неразличимости «эволюции» и «развития» [8, с. 134], принижении значения великих личностей в общественном развитии [8, с. 78, 149]). Но наибольшее количество совпадений можно обнаружить в трактовке обоими профессорами теории познания и методологии исторического исследования.

Методологическим эталоном для них служило естествознание [1, с. 66, 72; 8, с. 72; 11, с. 18, 26, 233, 243–246, 270, 295, 296]; оба признавали единство научных методов, хотя и учитывали специфику исторической гносеологии, допускавшей признание воображения и научной интуиции при создании образов прошлого [8, с. 57, 69]; оба считали главной задачей истории объективную реконструкцию фактов, объединенных причинной связью, а тип объяснительной истории, изучавшей всю совокупность сторон общественной жизни, признавали наиболее своевременным и практически осуществимым вариантом интегративных – социально-исторических – исследований [8, с. 83, 125, 126, 159; 12, с. 13, 18, 19, 25].

Советы П. Г. Виноградова о необходимости синтеза индуктивных умозаключений и обобщающей (социологической) логики [8, с. 60, 127], равнозначности индивидуализирующих и номотетических приемов [8, с. 81, 82], важности применения сравнительно-исторического метода для выявления сходного, повторяющегося, типичного [8, с. 85–88; 11, с. 244] – также вошли в применявшийся М. М. Хвостовым арсенал познания прошлого человечества.

Для П. Г. Виноградова, как для М. М. Хвостова, понятия «метод» и «методология» были тождественными (так они называли и частные приемы исследования, и общенаучную методологию [8, с. 67, 197; 22, с. 3, 4, 85, 86]); они мало внимания уделяли истории мысли, интеллекта [8, с. 128]; удивительно и то, что маститый столичный ученый, как и казанский профессор, не развили до полноценной концепции свои исторические и социологические представления [8, с. 81–83; 11, с. 243], хотя добытых в ходе многолетних исследований фактов для осуществления этого замысла и у того, и у других было достаточно.

Всех представителей «школы Виноградова» и М. М. Хвостова, в том числе, отличало пристальное внимание к отбору и систематизации исторических свидетельств, тщательное и основательное осуществление источниковедческого анализа, строгое отношение к использованию критических приемов в исторических исследованиях. Кроме того, их объединяли осторожность в обобщениях и выводах [18, с. 137, 138], опасение выдать предположения за факты и страх навязать людям изучавшихся эпох не свойственные им политические или патристические взгляды [8, с. 81].

Все вышеперечисленное не оставляет сомнений в том, что М. М. Хвостов оказался достойным своего учителя учеником.

Отмечая, что авторитет П. Г. Виноградова довлел над наукотворчеством М. М. Хвостова, мы все же не должны забывать о «пользе», которую принесли его «миросозерцанию» и общению к научному сообществу другие преподаватели историко-филологического факуль-

тета [26, с. XXVII] – блестящая плеяда ярких, выдающихся ученых периода кризиса историографии рубежа XIX–XX вв.

В образовательном пространстве альма-матер М. М. Хвостова циркулировали не только познавательные идеи и концептуальные решения сторонников философского материализма и философского идеализма [22, с. 67], но и научные убеждения «молодых» историков (П. Н. Милюкова, Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского), которые транслировали субъективистские теоретико-методологические подходы к осмыслению исторического процесса и социального развития.

Знакомство с диссонирующими познавательными парадигмами воспринималось им как естественная среда существования науки, которая время от времени нуждается в обновлении, реагируя на новые интеллектуальные импульсы, вызовы социальной среды и потребности саморазвития. Отсутствие единого «научного мирозерцания», единой «концепции исторического процесса» и «прочно установленных методологических положений» [21, с. 791, 793] расценивалось вариантом нормы, отражением вполне реальной ситуации в историографии и общественности в целом, где «монизм», или «объяснение сложных явлений из единой сущности», был, по утверждению М. М. Хвостова, невозможен [22, с. 67]. Для познания «необычайно сложных», «исключительно сложных общественных явлений» требовалось, по его мнению, объединение новых научных знаний и опыта, новых доктрин с традиционными теоретическими построениями, инструментами и средствами изучения прошлого.

К этому выводу ученый пришел спустя десятилетия после завершения обучения в университете, но принципы взаимодополняемости точек зрения, нередко контрастировавших друг с другом, познавательных установок и методов, не гармонизировавших с позитивизмом, в виде багажа университетских знаний был взят им за основу при разработке подходов к концептуальному осмыслению социологической истории: он стремился достичь паритетности номологических и идиографических логико-познавательных процедур, не меняя при этом прочной связи с позитивистской философией и социологией – фундаментом его эмпирических обобщений и теоретических заключений.

Но это был уже не «классический» позитивизм времен П. Г. Виноградова и В. О. Ключевского⁴, а его обновленный вариант – «критический» позитивизм, испытавший влияние неокантианства, марксизма, психологических и новых социологических подходов к интерпретации общественной эволюции, подвергшийся воздействию настроений релятивизма и агностицизма. В обстановке изобилия идей и научных взглядов, оппозиционных друг другу, в условиях критики традиционной исторической гносеологии, релятивизации научных истин сделать выбор между «правдой» и «заблуждением» было трудно [17, с. 8].

Видимо, не случайно в историографическом обзоре к «Лекциям по методологии...» М. М. Хвостов не указывал на принадлежность наиболее известных философов, социологов и историков своей эпохи к тем или иным течениям философской мысли, научным школам, не обсуждал познавательных установок и приверженность определенным теоретическим концепциям, а только изредка обсуждал общественно-политические позиции автора⁵.

⁴ В перечне «Пособий» к курсу по методологии и философии, которые М. М. Хвостов рекомендовал студентам, мы не встретим названия работ О. Конта, Г. Спенсера, Дж. С. Милля, хотя при объяснении теории исторического знания и познания он комментировал и главные труды этих мыслителей, и ключевые идеи, и наиболее важные принципы позитивистской методологии [22, с. 8, 9, 15–17, 29–31]. Руководствуясь прагматическими установками: «полезностью» и «ценностью» научной литературы для сознания живших в эпоху глобальных научных и исторических перемен студентов – М. М. Хвостов предлагал им сочинения «крупнейших теоретиков истории» начала XX в., компендиумы «новейших социологических и философско-исторических теорий», обзоры «важнейших социологических систем», исследования «основных проблем теории исторического познания» и труды с детальным изложением методов «критики источников» [22, с. 6, 7].

Зная о том, насколько неоднозначными в идейно-теоретическом плане были эти труды и как сильно они отличались от научно-методологической позиции М. М. Хвостова, мы можем предположить, что, соединяя в один ансамбль представителей разных исследовательских программ, он хотел сформировать у воспитанников широкий, свободный от односторонних оценок взгляд на предмет исследования, толерантное мышление, готовое признавать противоположные точки зрения, «компромиссное» сознание.

⁵ Для примера можно взять визави М. М. Хвостова по вопросам исторической гносеологии Г. Риккёрта. В перечне «Пособий» к «Лекциям по методологии...» центральное место принадлежит именно его исследованиям [22, с. 6]. Имя этого «крупнейшего теоретика истории» (там же), вместе с другим «немецким теоретиком», В. Виндельбандом, встречается в одной из главных лекций по историософии М. М. Хвостова.

Сам он объяснял осторожную позицию в этом вопросе «не незнанием», а желанием избежать «одностороннего направления мысли, недостаточного внимания к другим возможным точкам зрения, то есть недостатков, которые являются оправдываемыми в работе, посвященной рассмотрению вопросов, недавно поставленных и недостаточно еще выясненных» [21, с. 795].

Отсутствие универсальной общепринятой в историографии теории познания и утверждавшееся в гносеологическом арсенале признание многообразия концептуальных решений исторических проблем стали характерными чертами культурно-эпистемологического контекста рубежа XIX–XX вв. Эти размытые теоретико-методологические ориентации также делали чрезвычайно затруднительным точное определение философско-мировоззренческой позиции, научно-теоретической платформы, логико-познавательной модели исследования, в рамках которых происходило осмысление и решение автором того или иного злободневного труда поставленных проблем.

Кроме того, как правило, работы, привлеченные М. М. Хвостовым в качестве образцов философской и социологической мысли, сами изобиловали многочисленными противоречиями, указывавшими на недостаточность «систематической разработки известных идей» или на отсутствие возможности «пока получить вполне определенное решение» проблемы [21, с. 795]. Прийти к «строго согласованным выводам» [21, с. 795] при релятивизации строгих научно-познавательных принципов тоже было невозможно.

Эти объяснения позволяют, на наш взгляд, понять, почему М. М. Хвостов избегал оценочных суждений в отношении исследований европейских знаменитостей, а предпочитал «брать» из работ прославленных предшественников только те зерна информации, в которых нуждался, создавая теоретические разделы лекционных курсов и новый «тип» объяснительной истории – социологическую историю.

Займствования оформлялись в виде коротких цитат [22, с. 33, 38] или даже анонимных переложений отдельных идей и теоретических положений [22, с. 36, 85, 86, 94], которые теряли свое происхождение на фоне рассуждений профессора. Лишенные авторского видения проблемы и не связанные с глубиной философских рефлексий европейских ученых [22, с. 41], они почти полностью утрачивали свои истоки и оригинальность.

Если в отношении трактовок «новейших трудов» крупных представителей «генерализирующих» философии и социологии М. М. Хвостов мог демонстрировать скованность и нерешительность, то при изложении концепций авторов историко-экономических трудов, пользовавшихся большой популярностью у российских ученых [12, с. 202, 203; 15, с. 56–60], ему уже не надо было занимать уверенности. Ясность предмета исследования – экономического уклада жизни общества, доступность и убедительность логических конструкций при схематизации фактов хозяйственного быта превратили теории К. Бюхера и других представителей исторических школ в политэкономии в надежный остов научного аппарата квалификационных исследований М. М. Хвостова.

Самую большую степень научной раскрепощенности профессор проявлял при анализе и критической оценке конкретно-исторических трудов. Находясь в родной и досконально известной стихии, он не скупился на похвалу в адрес многих авторов [22, с. 36; 24, с. 35], но мог в присущей ему корректной и деликатной манере дать разноплановый разбор трудов, со всей строгостью выявляя «недостатки» [22, с. 54, 81, 99]. В рецензиях на работы европейских историков М. М. Хвостов обращал внимание на актуальность темы исследования, научно-познавательные установки автора, знание историографии проблемы, надежность привлеченных ис-

ва, где он определяет «место истории» в «новейшей классификации» наук «с точки зрения [целей и методов. – М. Н., Т. П.] познающего субъекта» [22, с. 9–11]. Еще раз имя Г. Риккёрта упоминается в четвертой лекции, посвященной соотношению «истории событий» и «истории состояний» [22, с. 21].

Ни в одном из указанных мест автор «Лекций...» не заикнулся о баденской школе философии, о сущности неокантианства и его значении для новейшей историографии.

В статье «К вопросу о задачах истории» имена В. Виндельбанда и Г. Риккёрта названы среди ученых, работы которых сыграли роль «внешнего толчка... для оживления... теоретико-познавательного направления в философии последних десятилетий» [21, с. 794]. Далее М. М. Хвостов излагает свою полемику с Г. Риккёртом по «животрепещущим вопросам» теории истории, отмечая предложенные немецким мыслителем «положительные и отрицательные стороны их решения» [21, с. 796], подчеркивая «наиболее правильные», с его точки зрения, пути их осмысления главой баденской школы, однако вновь уклоняется от изложения неокантианской философской доктрины и ее критической оценки.

точников, достоверность выводов. Он сохранял беспристрастность даже при критическом анализе сочинений своих самых почитаемых «духовных наставников»: Э. Мейера, К. Ю. Белоха, Р. Пельмана, Т. Моммзена, Я. Буркхардта⁶ – труды которых являлись для него источником идей, исторических построений, трактовки знаковых событий в истории народов Древнего мира.

Лучшие труды М. М. Хвостова тоже, на наш взгляд, были связаны не с теоретическими решениями актуальных проблем истории и социогуманитарного знания в целом, а с обоснованием на материалах древности важности постановки задач социологической истории и возможности их эффективного решения в русле обновленной исследовательской программы «критического» позитивизма.

Колоссальный массив документальных, нарративных, археологических источников, которые оказались в его распоряжении и были тщательно изучены с применением традиционных и новых строго научных методов (например, статистического анализа), позволили ему подтвердить открытые его учителями на материалах средневековой европейской и древнерусской истории «каузальные законы»: экономические явления предшествуют политическим и становятся их источником; политические процессы – это закономерные результаты социальных сдвигов; коллективное начало играет решающую роль в историческом процессе [18, с. 35, 50, 59, 60].

«Приблизительные обобщения» М. М. Хвостова [22, с. 25], ставшие результатом систематизации «единообразий» в «сверхсложных» социальных явлениях народов Древнего мира, состояли из следующих номологических высказываний:

– интенсивность, направленность, характер изменений процесса общественного развития предопределены совокупностью исторических и внеисторических причин, но прежде всего, состоянием «экономического быта» [22, с. 39, 60, 67–69];

– производство материальных благ, их распределение, обмен и потребление являются стержневым механизмом безостановочного поступательного исторического развития [22, с. 39, 60, 67–69];

– изменение внутреннего устройства государства связано с реализацией «потребностей политических и экономических» и является следствием экономических и социальных «переворотов» [24, с. 36, 127, 149, 250];

– все проявления социального имеют психологическую природу; все формы социального поведения людей психологически детерминированы [21, с. 816, 817; 22, с. 12, 19].

М. М. Хвостов пошел дальше своих «ученых наставников» в тщательности и глубине изучения факторов исторического развития. Их трактовка занимает преобладающую часть «Лекций по методологии и философии истории». Особый интерес он проявил к малоизученным в историографии проблемам геоистории, расоведения, демографии, доказывая важность исторического синтеза не только с «науками о культуре», но и с «науками о природе».

Пропагандируя востребованность в историографии «общеисторической точки зрения» – аналога социологического подхода [24, с. 33], М. М. Хвостов вплотную подошел к осмыслению того варианта холизма в историческом познании, предметный аспект которого

⁶ Рецензии, написанные в самом начале научной карьеры М. М. Хвостова, отличались большим критическим настроением, подчеркнутым выражением научной принципиальности. Так, в отношении монографии Э. Мейера «Экономическое развитие Древнего мира», под воздействием которой оформилась модель исторического процесса М. М. Хвостова, сказано: «Есть в очерке Мейера и слабые стороны. Экономическое развитие Рима охарактеризовано очень неполно... Сближая явления Древнего мира с явлениями Новой истории, он не всегда достаточно подчеркивает и значительные различия этих явлений... Борясь со старым воззрением, приписывавшим рабскому труду господствовавшую роль в Древнем мире, Мейер идет несколько далеко в противоположном направлении, слишком ослабляя роль рабства...» [23, с. 91, 92]. Позже М. М. Хвостов научился в сравнительном анализе результатов исследований показывать преимущества культуры осуществления дискурса одного автора перед другим. Например, сравнив «капитальный труд» «История древности» Э. Мейера с не менее выдающимся образцом «новейшей историографии» – «Греческой историей» К. Ю. Белоха, М. М. Хвостов пришел к следующему заключению: «Мейеру свойственны достоинства Белоха, но он чужд недостатков последнего. У Белоха мы видим крайний скептицизм к традиции и доверие к своим гипотезам. Мейер критичен, но его редко можно упрекнуть в гиперкритике; в выводах он очень осторожен. Другие достоинства Белоха (широта исторического кругозора, внимание к истории второстепенных греческих государств, освещение жизни обществ во всей ее полноте, то есть не только политических, но и экономических, и социальных, и культурных явлений) свойственны Э. Мейеру не в меньшей, если не в большей степени, чем Белоху» [24, с. 32–34].

проявляется в реконструкции прошлого человечества в виде целостной исторической реальности [19, с. 137, 138].

Будущее истории он видел в междисциплинарной плоскости: постановке новых научно-исследовательских задач на стыке проблемных полей разных отраслей знания, интеграции теоретического потенциала, научного аппарата, исследовательского инструментария всех наук, изучавших сверхсложный объект – общество и его изменения во времени [21, с. 818, 819; 22, с. 8].

Остается только сожалеть о том, что ценность отдельных идей, суждений, высказываний М. М. Хвостова не была им логически осмыслена и оформлена в полноценную научную теорию.

Список литературы

1. *Виноградов П. Г.* О прогрессе / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. В. Антощенко // Избранные труды. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 35–81.
2. *Виноградов П. Г.* Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. 1890. Кн. 1. С. 83–103.
3. *Виппер Р. Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания // Две интеллигенции и другие очерки : сб-к статей и публичных лекций. 1900–1912. М. : Типо-литография тов-ва И. Н. Кушнерёв и К°, 1912. С. 26–61.
4. *Гофман А. Б.* Семь лекций по истории социологии : учеб. пособие для вузов. Изд. 4-е, испр. М. : Университет, 2000. 216 с.
5. *Кареев Н. И.* Введение в изучение социологии. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 418 с.
6. *Кон И. С.* Позитивизм в социологии : исторический очерк. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1964. 207 с.
7. *Ланглуа и Сеньобос.* Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. СПб. : Склад изданий и книжный магазин для иногородних О. Н. Поповой, 1899. 275 с.
8. *Малинов А. В.* Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб. : Нестор, 2005. 216 с.
9. *Матвеева И. Н.* Историк-антиковед Михаил Михайлович Хвостов // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство : сб-к науч. ст. и сообщений / сост. и отв. ред. Г. П. Мягков и Е. А. Чиглинец. Казань : КГУ, 2005. С. 274–289.
10. *Медушевская О. М.* Методология истории как строгой науки // А. С. Лаппо-Данилевский Методология истории : в 2 т. Т. 1 / подг. текста: Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 23–84.
11. *Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань : Изд-во Казанского университета, 2000. 298 с.
12. *Нечухрин А. Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 349 с.
13. *Новиков М. В., Перфилова Т. Б.* «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
14. *Новиков М. В., Перфилова Т. Б.* Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.
15. *Петрушевский Д. М.* Введение. О логическом стиле исторической науки вообще и средневековой истории в частности // Очерки из истории средневекового общества и государства / под общ. ред. М. А. Морозова, вступ. ст. Г. Е. Лебедевой, В. А. Якубского. СПб. : Гуманитарная Академия, 2003. С. 35–70.
16. *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания: учебник для академического бакалавриата. Изд. 4-е, испр. и доп. М. : Юрайт, 2015. 288 с.
17. *Рамазанов С. П.* Кризис в российской историографии начала XX века : в 2 ч. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. 144 с.
18. *Сафронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М. : Изд-во Московского ун-та, 1976. 221 с.
19. Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Аквилон, 2014. 576 с.
20. *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. СПб. : Изд-во СПбУ, 1999. Гл. 7, 8. С. 175–396.
21. *Хвостов М. М.* К вопросу о задачах истории : сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 791–824.
22. *Хвостов М. М.* Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. М. : Либроком, 2011. 104 с.
23. *Хвостов М. М.* Экономическое развитие Древнего мира / пер. под ред. М. О. Гершензона; рец. Э. Мейер. // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. СПб., 1898. № 5–6. Май – июнь. С. 90–92.

24. *Хвостов М. М.* История Греции : лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е, доп. М. : Государственное изд-во, 1924. 262 с.

25. *Хвостов М. М.* История Древнего Востока / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.

26. *Хвостов М. М.* Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. X. – 284 г. по Р. X.). Казань : Типолитография Императорского университета, 1907. 479 с.

27. *Хвостов М. М.* Экономическое, правовое и политическое состояние германского народа накануне Реформации / пер. с 16-го нем. издания, рец. И. Янсен // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. СПб., 1898. № 4. Апрель. С. 62–64.

Methodological collisions of scientific consciousness by M. M. Khvostov

Novikov Mikhail Vasilyevich¹, Perfilova Tatiana Borisovna²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

²Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The process of the evolution of M. M. Khvostov's scientific consciousness from a historian-researcher of a historical fact and a purely empirical analysis of its consequences to a social scientist who recognized the need to combine nomotetic and idiographic cognition techniques in historical epistemology, as well as the importance of applying a sociological approach to the study of a complex of internally conditioned causes of the development of an integral social reality. The result of the synthesis of individualizing history and generalizing sociology M. M. Khvostov considered sociological history capable of neutralizing the purely theoretical nature of sociology and the purely empirical nature of history. Attention is drawn to the commitment of the professor, who aspired to the accuracy and infallibility of the results of scientific research, to the logical-cognitive model of positivism. Combining in his work strictly scientific methods of cognition with subjectivist methods (understanding, empathy), he nevertheless could not recognize the inevitability of distortion in the process of cognition of objective historical reality. The influence of the cultural-epistemological context of the turn of the XIX–XX centuries on the scientific worldview of M. M. Khvostov is noted and the conclusion is drawn about the secondary nature of his theoretical and methodological ideas borrowed from the works of European thinkers and the culture of science-making by professors of the Imperial Moscow University. The special significance of P. G. Vinogradov's "methodological school" is revealed, which influenced M. M. Khvostov's interpretations of the theory of history, the theory of cognition and the methodology of historical research. At the same time, it is emphasized that M. M. Khvostov surpassed his "scientific mentors" in the thoroughness and depth of the study of the factors of historical development. He saw the future of historical science in the integration of the theoretical potential, scientific apparatus and research tools of all social sciences, both socio-humanitarian and natural.

Keywords: history, sociology, sociological history, "critical positivism", neo-Kantianism, objective knowledge, subjectivism, "scientific mentors", interdisciplinarity.

References

1. *Vinogradov P. G. O progresse* [On progress] / comp., author of the introductory article and comment. A. V. Antoshchenko // *Izbrannye trudy* – Selected works. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2010. Pp. 35–81.

2. *Vinogradov P. G. Fyustel' de Kulanzh. Itogi i priemy ego uchenoj raboty* [Fustel de Coulange. Results and techniques of his scientific work] // *Russkaya mysl'* – Russian Thought. 1890. Book 1. Pp. 83–103.

3. *Vipper R. Yu. Neskol'ko zamechanij o teorii istoricheskogo poznaniya* [A few remarks on the theory of historical cognition] // *Dve intelligencii i drugie ocherki : sb-k statej i publichnyh lekcij. 1900–1912* – Two Intelligentsia and other essays : collection of articles and public lectures. 1900–1912. M. Typo-lithography of Comrade I. N. Kushnerev and Co. 1912. Pp. 26–61.

4. *Hoffman A. B. Sem' lekcij po istorii sociologii : ucheb. posobie dlya vuzov. Izd. 4-e, ispr.* [Seven lectures on the history of sociology : handbook for universities. 4th ed., corr.] M. University. 2000. 216 p.

5. *Kareev N. I. Vvedenie v izuchenie sociologii* [Introduction to the study of sociology]. SPb. Typ. of M. M. Stasyulevich. 1897. 418 p.

6. *Kohn I. S. Pozitivizm v sociologii : istoricheskij ocherk* [Positivism in sociology: a historical essay]. L. Publishing House of the Leningrad University. 1964. 207 p.

7. *Langlois and Seignobos. Vvedenie v izuchenie istori* [Introduction to the study of history] / transl. from Fr. by A. Serebryakova. SPb. A warehouse of publications and a bookstore for nonresidents O. N. Popova. 1899. 275 p.

8. Malinov A. V. *Pavel Gavrilovich Vinogradov: Social'no-istoricheskaya i metodologicheskaya koncepciya* [Pavel Gavrilovich Vinogradov: Socio-historical and methodological concept]. SPb. Nestor. 2005. 216 p.
9. Matveeva I. N. *Istoriik-antikoved Mihail Mihajlovich Hvostov* [Historian-antiquarian Mikhail Mikhailovich Khvostov] // *Kazanskiy universitet kak issledovatel'skoe i sociokul'turnoe prostranstvo : sb-k nauch. st. i soobshchenij* – Kazan University as a research and socio-cultural space : collection of scientific articles and messages / comp. and ed. by G. P. Myagkov and E. A. Chiglintsev. Kazan. KSU. 2005. Pp. 274–289.
10. Medushevskaya O. M. *Metodologiya istorii kak strogoj nauki* [Methodology of history as a strict science] // *A. S. Lappo-Danilevskij Metodologiya istorii : v 2 t. T. 1* [Methodology of history : in 2 vols. Vol. 1] / prep. text: R. B. Kazakov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyantseva. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2010. Pp. 23–84.
11. Myagkov G. P. *Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoy nauke: opyt "russkoj istoricheskoy shkoly"* [Scientific community in historical science: the experience of the "Russian historical school"]. Kazan. Publishing House of Kazan University, 2000. 298 p.
12. Nechuhrin A. N. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (the 80s of the XIX century – 1917)]. Grodno. GrSU. 2003. 349 p.
13. Novikov M. V., Perfilova T. B. *"Eto byl chelovek truda": pamyati M. M. Hvostova* ["It was a man of work": in memory of M. M. Khvostov] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2020. No. 10. Pp. 166–173.
14. Novikov M. V., Perfilova T. B. *Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M. M. Hvostova* [Features of M. M. Khvostov's scientific worldview] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* – Herald of Moscow University. 2020. No. 4. Pp. 56–74.
15. Petrushevskij D. M. *Vvedenie. O logicheskom stile istoricheskoy nauki vooobshche i srednevekovoj istorii v chastnosti* [Introduction. On the logical style of historical science in general and medieval history in particular] // *Ocherki iz istorii srednevekovogo obshchestva i gosudarstva* – Essays from the history of medieval society and the state / under the gen. ed. of M. A. Morozov, introductory art. G. E. Lebedeva, V. A. Yakubsky. SPb. Humanities Academy. 2003. Pp. 35–70.
16. Repina L. P., Zvereva V. V., Paramonova M. Yu. *Istoriya istoricheskogo znaniya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. Izd. 4-e, ispr. i dop.* [History of historical knowledge: textbook for academic bachelor's degree. 4th ed., corr. and add.] M. Yurayt. 2015. 288 p.
17. Ramazanov S. P. *Krizis v rossijskoj istoriografii nachala XX veka : v 2 ch. Ch. 1. Postanovka i popytka resheniya problemy* [Crisis in Russian historiography of the beginning of the XX century : in 2 pts. Part 1. Statement and attempt to solve the problem]. Volgograd. Publishing House of the Volgograd State University. 1999. 144 p.
18. Safronov B. G. *Istoriicheskoe mirovozzrenie R. Yu. Vippera i ego vremya* [The historical worldview of R. Yu. Vipper and his time]. M. Publishing House of the Moscow University. 1976. 221 p.
19. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki : terminologicheskij slovar'* – Theory and methodology of historical science : terminological dictionary / ed. A. O. Chubaryan. M. Aquilon. 2014. 576 p.
20. Frolov E. D. *Russkaya nauka ob antichnosti* [Russian science of antiquity]. SPb. Publishing House of SPbU. 1999. Pt. 7, 8. Pp. 175–396.
21. Hvostov M. M. *K voprosu o zadachah istorii : sbornik statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druz'yami i pochitatel'yami ko dnyu 30-letiya ego professorskoj deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 – 5 dekabrya 1909 goda)* [On the question of the tasks of history : collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers on the day of the 30th anniversary of his professorship at Moscow University (December 5, 1879 – 5 December 1909)]. M. Comrade "Printing House of S. P. Yakovlev". 1909. Pp. 791–824.
22. Hvostov M. M. *Lekcii po metodologii i filosofii istorii. Izd. 2-e* [Lectures on methodology and philosophy of history. Ed. 2nd]. M. Librocom. 2011. 104 p.
23. Hvostov M. M. *Ekonomicheskoe razvitie Drevnego mira* [Economic development of the Ancient world] / transl. ed. by M. O. Gershenson; rev. E. Meyer // *Obrazovanie: pedagogicheskij i nauchno-populyarnyj zhurnal* – Education: pedagogical and popular science journal. SPb. 1898. No. 5–6. May – June. Pp. 90–92.
24. Hvostov M. M. *Istoriya Grecii : lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskij vysshij zhen'skih kursah* [History of Greece : lectures given at Kazan University and at Kazan Higher women's courses] / ed. by G. Prigorovskij. Ed. 2nd, add. M. State Publishing House. 1924. 262 p.
25. Hvostov M. M. *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of the Ancient East] / ed. by G. Prigorovskij. Ed. 2nd. L. State Publishing House. 1927. 275 p.
26. Hvostov M. M. *Issledovaniya po istorii obmena v epohu ellinisticheskijh monarhij i Rimskoj imperii. Istoriya vostochnoj trgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. H. – 284 g. po R. H.)* [Studies on the history of exchange in the era of Hellenistic monarchies and the Roman Empire. The history of the Eastern trade of Greco-Roman Egypt (332 BC – 284 AD)]. Kazan. Typolithography of the Imperial University. 1907. 479 p.
27. Hvostov M. M. *Ekonomicheskoe, pravovoe i politicheskoe sostoyanie germanskogo naroda nakanune Reformacii* [Economic, legal and political state of the German people on the eve of the Reformation] / transl. from the 16th German. ed., rev. I. Jansen // *Obrazovanie: pedagogicheskij i nauchno-populyarnyj zhurnal* – Education: pedagogical and popular science journal. SPb. 1898. No. 4. April. Pp. 62–64.